

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

ЕЩЕ РАЗ О ХАРАКТЕРЕ ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ ЯКУТОВ В XVII ВЕКЕ

(По поводу рецензии Б. Гарданова на книгу: С. А. Токарев,
Общественный строй якутов в XVII—XVIII вв.)¹

Вопрос об общественном строе якутов в эпоху их соприкосновения с русскими представляет большой интерес не только сам по себе, но и с некоторой более общей точки зрения. Со времени падения античных государств нам неизвестно ни одного случая, когда процесс классового образования у определенного народа проходил бы вне влияния той или иной уже сложившейся высокой государственности. Первые государства у германских и славянских народов складывались в обстановке сильнейшего влияния Римской и Византийской империй. На образование тюрко-монгольских государств Азии влияли Китай и Иран, Тибет и Монголия. Вот почему, вероятно, тот классический путь становления классового и государственного строя, который был так мастерски прослежен Энгельсом на примере древних Афин, нигде не отмечен историками в позднейшее время.

Якутское общество представляет поэтому для науки в некотором роде счастливое исключение. Процесс классового образования у якутов в момент прихода русских проходил в значительной мере самобытно, ибо уже по географическим условиям якуты были изолированы от влияния высококультурных народов. И хотя появление русских и включение якутского народа в Русское государство придало процессу другое направление, но многочисленные документы эпохи завоевания Якутии дают нам достаточно полное представление о том, как развивалось якутское общество до этого поворотного момента в его истории.

Вот почему выяснение характера общественного строя якутов имеет большое принципиальное значение для исторической науки. Важность этого вопроса не позволяет мне оставить без ответа некоторые замечания, высказанные Б. А. Гардановым в его рецензии на мою книгу «Общественный строй якутов в XVII—XVIII вв.».

Рецензент весьма добросовестно отнесся к своей задаче, он правильно понял и изложил концепцию автора. Рецензия его написана в очень серьезном, строго научном тоне. Однако, она производит несколько двойственное впечатление. Рецензент, с одной стороны, высоко расценивает мою книгу, излагая ее основную концепцию в таких выражениях, как будто он с нею вполне согласен. По его словам, «автор дает глубокий и всесторонний анализ общественного строя якутов», «каждое общественное явление... исследуется им исторически, в процессе его конкретного развития» (стр. 219) и т. п. С другой же стороны, он делает такие поправки и оговорки к моей концепции, которые сводят ее почти на-нет.

Разногласия между мной и рецензентом сводятся к трем основным вопросам: 1) племя и род, 2) рабство, 3) феодализм.

Первое возражение Б. А. Гарданова состоит в том, что я напрасно считаю якутские «волости» XVII в. племенными группами и что их правильнее было бы считать родами: ведь они обладают признаками типичного рода — экзогамия, кровная месть и пр., а с другой стороны, в них не видно такого характерного признака племени, как особые племенные диалекты. Возражение серьезное. Однако рецензент упускает из виду, что то перенесение функций рода на племя, о котором я говорю в своей книге, отнюдь не составляет чего-либо необычного. В условиях разложения родового строя, в особенности у кочевых и полукочевых народов Азии, мы сплошь и рядом обнаружи-

¹ От редакции. Помещая ответ С. А. Токарева на рецензию Б. А. Гарданова (см. «Советская этнография», 1946, № 2), редколлегия журнала предполагает продолжить дискуссию по данному вопросу в дальнейших номерах.

ваем отсутствие резких граней между племенем и родом; большой обособленный род часто неотличим от мелкой племенной группы. Можно указать немало случаев превращения разрозненного рода в племя и далее — в целый народ (монголы, турки, узбеки, ногаи, киргизы); и наоборот, известно много случаев вхождения племен или их частей в чужую народность на правах рода (роды Найман, Кыпчак, Меркит, Коунрад и мн. др. в составе казахов, узбеков, алтайцев). Где кончается род и где начинается племя — далеко не всегда можно сказать. Поэтому противопоставлять одно другому особенно резко здесь не следует. Впрочем, и сам рецензент не очень настаивает на своем возращении и считает мое объяснение «вообще говоря, довольно вероятным».

Второе возражение Б. А. Гарданова направлено против моего понимания якутского рабства. Здесь его точка зрения тоже не совсем последовательна. По его словам, «автор убедительно показывает на весьма обширном и многообразном материале, что рабство имело значительное распространение среди якутов той эпохи, что оно играло крупную социальную и экономическую роль», но, с другой стороны, автор «преувеличивает распространение и значение» рабовладельческих отношений. Рецензент оспаривает правильность моего толкования термина «холопы» в документах XVII в., как передающего якутские понятия «кулут» и «бокан», и пытается дать свое толкование. По его мнению, термин «холоп» равнозначен только понятию «бокан», но не «кулут». И если «кулутов» он соглашается признать настоящими рабами, то «боканов» («холопей») он склонен считать «зависимыми, несвободными людьми иной категории», точнее — «феодално-зависимыми крепостными людьми».

На основании чего делает т. Гарданов такое разграничение? Конечно, очень соблазнительно было бы истолковать термины «кулут» и «бокан» как обозначение двух разных типов зависимых отношений. Отрицать возможности этого нельзя, но и доказать это на фактах тоже едва ли удастся. Б. А. Гарданов пытается опереться, помимо самого различия терминов, на один факт: одни из якутских «холопей» были лишены средств производства, другие ими будто бы владели. Но рецензент, заимствуя здесь из моей книги некоторые факты, как будто говорящие о каком-то самостоятельном имуществе и хозяйстве «холопей», оставляет без внимания то, что мною говорится по поводу этих фактов: что «эта экономическая самостоятельность (холопа) была чрезвычайно мала». «С теми запасами материальных благ, — говорится в моей работе (стр. 130—131), — которые мы можем, по имеющимся данным, представить себе в распоряжении якутского кулута, прожить было нельзя». Одна-две головы скота и своя юрта еще не делали из «холопа» самостоятельного производителя. Но если бы даже можно было признать какую-то часть холопского слоя состоящей из самостоятельных производителей (т. е. наделенной средствами производства), то даже и в этом случае нельзя было бы сделать вывод о наличии в Якутии в дорусский период «феодално-крепостнической» формы эксплуатации, как это делает т. Гарданов: ведь и вся-то «холопская» прослойка, а тем более эта экономически более «самостоятельная» ее часть, составляла лишь очень незначительное меньшинство населения Якутии того времени. Что же это за «феодализм», где «феодално-зависимые крепостные люди» представляют ничтожный процент населения! Итак, предположение Б. А. Гарданова о наличии в якутском обществе двух форм зависимости, передаваемых соответственно терминами «кулут» и «бокан», — при всем своем остроумии — остается недоказанным и мало правдоподобным.

Кстати, надо разъяснить одно недоразумение. Б. А. Гарданов недоумевает (в прим. 2 на стр. 222), что означает моя фраза, что слово «бокан» «было русским (?) и, несомненно, заимствовано из какого-то местного языка в Сибири...». Виною здесь просто досадная типографская опечатка: надо читать: «Это слово было русским и, несомненно, заимствовано» и т. д.

Переходя непосредственно к вопросу о феодализме в якутском обществе XVII в., Б. А. Гарданов упрекает меня в склонности «преуменьшать наличие в нем феодальных отношений». Он ставит мне на вид противоречивость формулировки: «элементы феодализма» — или «элементы, из которых могли бы... сложиться феодальные отношения». Рецензент резонно указывает, что это не одно и то же. Но ведь я и не отождествляю одного с другим, а указываю на предпочтительность второй формулировки («точнее...»). Это, впрочем, несущественно. Но из чего же рецензент увидел, что я «преуменьшаю» феодальные отношения у якутов в XVII в., и в чем он сам их там усматривает? Об этом он не говорит ни слова, если не считать цитат, приводимых им из моей же книги — о «хасаасе» (раздаче скота на выпас). Я не вижу оснований видеть в «хасаасе» XVII в. что-либо большее, чем потенциальную форму феодальной эксплуатации. Рецензент не пытается против этого возражать, ограничиваясь советом мне «более определенно признать наличие в якутском обществе феодальных отношений еще до присоединения».

Получается впечатление, что рецензент просто а priori считает, что у якутов еще в дорусскую эпоху должны были «органически» вырастать и формироваться из социально-экономической структуры якутского общества феодальные отношения. Откуда же у него такое убеждение? Вспомним еще раз, что Энгельсом был показан классический путь разложения первобытно-общинного строя, приводящий к образованию рабовладельческого (а не феодального) строя. Народы средневековой Европы переходили от доклассового строя непосредственно к феодализму благодаря сильноному влиянию

стороны разлагавшихся рабовладельческих обществ, которые сами шли навстречу феодальному строю. Но якутское общество таких влияний до прихода русских не испытывало. Откуда же взялся бы здесь самобытный феодализм и почему развитие должно было бы отклониться от «нормального» пути? Фактический материал подтверждает, что развитие шло в сторону роста рабовладельческих отношений. О феодализме факты ничего не говорят. Зачем же предполагать его существование, неправдоподобное теоретически и не вытекающее из конкретного материала?

По поводу этого пресловутого якутского феодализма я должен еще сказать следующее: когда я начинал свою работу над общественным строем якутов XVII в. (в 1933 г.), я сам исходил из предвзятой схемы феодализма и долго пытался уложить фактический материал в эту схему. Лишь окончательно убедившись (в конце 1934 г.), что факты в эту схему не укладываются, я вынужден был ее отбросить. Вот почему я и теперь не могу принять совет, даваемый мне моим рецензентом, — «более определенно признать наличие... феодальных отношений».

Я, конечно, не считаю, что разрешил в своей книге окончательно проблему социального строя якутов в XVII в. В нем много остается неясностей, и мои выводы могут в дальнейшем оказаться ошибочными. Но возражения Б. А. Гарданова, думается, не обнаружили этой их ошибочности.

С. А. Токарев

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ АМЕРИКАНСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

Этнографическая литература, вышедшая за последнее десятилетие в США, ярко свидетельствует о широком распространении и значительном влиянии психологического направления в современной американистике. На это указывают и некоторые из американистов, например, Лесли Уайт и Бетти Меггерс, подвергшие критике это направление. «За последние годы, — пишет Уайт, — антропология, по крайней мере в Америке, совершенно отошла от изучения культуры ради исследований личности и реакций человеческого организма. Антропологи оставляют культуроведение ради психологии, психоанализа, психиатрии, глубинной психологии, психологических тестов, анализа снов и т. д.»¹. Об этом же пишет и Меггерс в статье, на которой мы остановимся ниже. Сторонниками психологического направления являются такие видные этнографы Америки, как покойный Эдуард Сэпир, Александр Гольденвайзер, Руфь Бенедикт, Ральф Лантон, Маргарита Мид, Кора Дю Буа и др. Линтона и Сэпира можно было бы назвать теоретиками этого направления. Их методологические положения сводятся в основном к одному главному утверждению, а именно, — что индивидуум это — первичное, это единственная объективная реальность, культура же, общество — вторичное, это творение индивидуума. «Концепция культуры, как она трактуется антропологами-культуроведами, — писал Сэпир, — неизбежно представляет собой нечто от статистической фикции. Эта культура — сверхорганичное, безличное целое — является довольно полезным методологическим принципом для начала, но становится затем серьезным препятствием, по мере развития более динамичного изучения генезиса и развития культурных образцов, потому что эти последние в действительности неотделимы от организации мыслей и чувств, составляющей индивидуум»². По Сэпиру выходит, следовательно, что культура — это идея, методологический принцип, который может служить только как отправный пункт. В действительности же существуют только культурные образцы, которые «определяются организацией мыслей и чувств отдельных личностей»³. Любимая фраза Сэпира: «Существует столько же культур, сколько индивидуумов в населении»⁴ — прекрасно иллюстрирует эту его концепцию, отрицающую всякую возможность общих законов исторического процесса и утверждающую человеческую природу, как общую причину этого процесса. Отрицая культуру как объективную реальность, Сэпир ввел термин «культурные образцы», определяемые свойствами отдельного индивидуума, а не ходом исторического движения. Индивидуум с его мыслями и чувствами признается единственной объективной реальностью. Изучая эту реальность, этнограф должен прибегать к помощи психиатра; однако, Сэпир допускает, что «психиатр не может объяснить культурный образец...

¹ Leslie White, Kroeber's «Configurations of culture growth», «American Anthropologist» 48, 1946, N 1, p. 85.

² E. Sapir, Cultural anthropology and psychiatry, «Journal of abnormal and social psychology» 27, 1932, pp. 233, 237.

³ E. Sapir, *ibid.*

⁴ R. Benedict, Obituary of Edward Sapir, «American Anthropologist», 41, 1939, p. 467.